

Когда раздался звонок от У Ханьлиня, Му Синхуай как раз закончил осмотр шестого пациента.

— Твою же направо, Синхуай! — вопил в трубку Ханьлинь. — У старика живот уменьшился чуть ли не вдвое! Это что, значит, асцит уходит? Твой рецепт... он и вправду работает? Мы же договаривались просто подыграть Чжай Вэйцзэ и внушить деду, будто ты сможешь его вылечить!

Му Синхуай усмехнулся:

— Я такого не говорил. Когда ты это предложил, я ответил лишь, что «понимаю».

У Ханьлинь на мгновение лишился дара речи.

— Ну ты даешь, Синхуай... Ты просто... Ты просто невероятен! — Но тут же спохватился: — погоди, что-то здесь не так. Ты действительно не обещал обманывать старика, но в конце всё же добавил, что твой отвар с большой вероятностью его поставит на ноги.

— Верно.

— То есть... — Ханьлинь замялся, уточняя. — Ты не врал, когда это говорил?

Ведь они с Вэйцзэ с самого начала искали Му Синхуая лишь для того, чтобы облегчить страдания умирающего. До этой минуты они были свято уверены: снадобья Синхуая — это просто паллиатив, способный приглушить боль. В конце концов, в самом начале Му Синхуай выразился осторожно: «Я знаю один рецепт, возможно, он поможет».

— Именно так, — подтвердил доктор.

У Ханьлинь замолчал. Тишина в трубке длилась несколько секунд, а затем его голос громом ударил в самое ухо Синхуая:

— Мать твою!

Му Синхуай едва успел отвести телефон от головы, но всё равно почувствовал, как в ушах зазвенело. В это время на стул напротив него уже садился седьмой пациент. Опасаясь за свои барабанные перепонки и видя, как взволнован шокированный, Синхуай поспешил закруглиться:

— Ладно, мне пора. Нужно работать, люди ждут.

Он повесил трубку и, прижав пальцы к запястью молодого человека, спросил:

— Рассказывай, на что жалуешься?

Парень выглядел так, будто на его плечи обрушилась вся тяжесть мира.

— Доктор, понимаете, нет у меня в жизни иных радостей, кроме игр. Весь прошлый месяц я пахал сверхурочно, а теперь вот дали выходные. Дел никаких нет, вот я и засел за компьютер. Четыре дня кряду рубился, не вставая. Голодный — заказывал доставку, спать хотелось — прикорну на три-четыре часа, и снова в бой. А сегодня утром проснулся и понял: правая рука не шевелится.

Му Синхуай поднял на него взгляд. Четыре дня без продыху?

— Ну ты и кремень, — только и сказал он.

— Да уж, теперь сам локти кусаю, — простонал парень.

Синхуай быстро считал его пульс. Тот был хян цзинь — струнный и напряженный, с отчетливой застойной заминкой. Верный признак того, что ток ци и крови нарушен.

Учитывая четырехдневный игровой марафон и текущее состояние, вариантов было немного: либо это микроинсульт, вызвавший паралич конечности, либо хроническое перенапряжение привело к фасциальному спаечному сращению. В последнем случае ткани сдавили периферические нервы, и рука потеряла чувствительность.

— Головокружение или тошнота были? — уточнил Му Синхуай.

— Нет, ничего такого.

Парень был в полном сознании, а значит, вероятность инсульта стремилась к нулю. Му Синхуай поднялся и подошел к нему справа.

— Проведу осмотр.

Он нащупал край лопатки и с силой надавил.

— Больно?

Парень дернулся, исказив лицо в гримасе боли:

— Есть немного...

Затем Синхуай прошелся пальцами по всей руке. Когда он нажал на запястье, парень судорожно втянул воздух. Доктор отстранился.

Юноша, даже не пытаясь смахнуть выступившие на глазах слезы, пролепетал:

— Доктор Му... я ведь не останусь калекой?

Пару лет назад в его жилом комплексе у одного дедушки случилось нечто подобное. Врачи диагностировали паралич на фоне инсульта, и старик до сих пор не восстановился. Но тому было под семьдесят, дети за ним ухаживали, даже сиделку наняли. А ему-то всего двадцать семь! Вся жизнь впереди. Если правая рука отнимется, считай, всё кончено.

— Нет, — успокоил его Му Синхуай. — Это обычное фасциальное спаечное сращение.

Парень выдохнул так громко, что это было слышно во всем коридоре.

— Слава богу, не паралич... Значит, и вылечить будет несложно?

— Ну, я бы так не сказал, — Му Синхуай покачал головой. — Даже если сейчас я приведу тебя в порядок, нет никакой гарантии, что болезнь не вернется через неделю. Игровая зависимость — штука серьезная.

Лицо парня вытянулось.

— Как насчет того, чтобы заодно и твою страсть к играм подлечить? — вкрадчиво предложил Му Синхуай.

Парень, конечно, и сам понимал, что пора завязывать, но...

— Разве... разве это лечится? — изумленно переспросил он.

Остальные пациенты в очереди тоже наострили уши. Если бы не слава доктора Му, его бы точно сочли безумцем.

— Попробуем — узнаешь, — коротко ответил Синхуай. — Снимай рубашку.

Он достал из шкафа коробку с иглами. Когда парень разделся и обернулся, его глаза полезли на лоб: в руках у Му Синхуая, только что протершего спиртом его лопатку, была игла длиной больше десяти сантиметров.

В сердце юноши закралось нехорошее предчувствие.

Му Синхуай без предупреждения вогнал стальную нить прямо в обработанное место. Парень замер, ожидая, что игла вот-вот выйдет с другой стороны руки, но доктор остановился.

На секунду бедолага расслабился. Но в следующий миг Му Синхуай начал резко двигать иглу вверх-вниз, одновременно быстро вращая её вокруг своей оси.

Хлоп!

Левая, здоровая рука парня судорожно вцепилась в край стула, на предплечье вздулись синие вены. Описать это ощущение было невозможно. Ломота, онемение, распирающая боль — всё это сразу, словно десятки тупых ножей кромсали его плечо, то скручивая мышцы в узлы, то впиваясь прямо в нервы.

— Это метод сквозного укалывания, — невозмутимо пояснил Му Синхуай, продолжая экзекуцию. — Глубокое проникновение позволяет пройти сквозь спайки и напрямую освободить зажатые ткани, одновременно стимулируя нервные окончания и восстанавливая проводимость.

Пациент не мог ответить. За считанные секунды волна боли от лопатки разошлась по всему телу. Ему казалось, что он попал на бойню, где его заживо разбирают на части. Не в силах больше сдерживаться, он истошно завопил:

— А-а-а-а!

Му Синхуай, не обращая внимания на крик, продолжал манипуляции:

— На самом деле случай у тебя не самый запущенный. Обычно достаточно проработать шесть-семь точек по минуте на каждую, повторив процедуру три-четыре раза. Но раз уж мы решили бороться с игровой зависимостью, попробуем управиться за один сеанс. Потерпи еще минут двадцать.

Двадцать минут?! У парня потемнело в глазах.

Когда Му Синхуай потянулся за следующей иглой, тело юноши на чистом рефлексе попыталось отпрянуть. Стоявшие рядом родственники других пациентов, внезапно проникшись состраданием к делу медицины, вызвались на помощь:

— Доктор, мы подержим!

Спустя две секунды клинику сотрясла новая серия воплей.

— А-а-а!

— Убивают!

— Мама-а-а!

Душераздирающие крики мигом привлекли жителей деревни Бэйдин. Увидев в окне картину — парень, захлебывающийся слезами и соплями, и трое мужиков, мертвой хваткой вцепившихся в его руки и ноги, — деревенские опешили:

— Что тут происходит? Бунт?

Пациенты в очереди быстро разъяснили ситуацию. Узнав, что Му Синхуай просто лечит парня, крестьяне облегченно выдохнули. Но тут кто-то из толпы задумчиво произнес:

— Погодите... У моего внука ведь тоже игровая зависимость, прямо из компьютера не вылезает...

Многие замерли, обдумывая услышанное. А затем посыпалось со всех сторон:

— И у моей внучки беда такая же!

— Наш старик тоже повадился в эти стрелялки играть...

Деревенские решили, что такого наглядного урока упускать нельзя. Одни бросились по домам, чтобы притащить упирающихся детей, другие начали лихорадочно вызванивать родню всех возрастов.

«Вы люди вообще или нет?!» — читалось в глазах несчастного пациента.

Наконец двадцать минут ада подошли к концу. Помощники отпустили парня, и тот мешком осел на стуле. Его волосы промокли насквозь, футболка прилипла к телу, будто он только что вылез из реки. Голос, на удивление, не пропал — всё это время какой-то дедушка сердобольно подпаивал его водой. Очень трогательная забота.

Му Синхуай взял его правую руку и начал осторожно разминать, помогая делать первые движения.

— Ну что, всё еще тянет поиграть? — невинно поинтересовался доктор.

Парень молчал. Он чувствовал, как к руке возвращается жизнь, но воспоминание о боли было

куда ярче. В конце концов, он медленно поднял здоровую левую руку, выставил большой палец и, всхлипнув, выдал:

— Вы... вы бог медицины!

В игры он теперь не заглянет до конца своих дней.

Проводив «счастливого» пациента, Му Синхуай прибрался в кабинете, провел дезинфекцию и крикнул:

— Восьмой!

Тишина. Прошло несколько минут, но никто не отозвался.

— Восьмой номер есть? — повторил он.

Люди в очереди подхватили: «Где восьмой?», «Эй, восьмой номер здесь?» Но ответа не было.

Му Синхуай уже решил вызвать следующего:

— Девятый...

В этот момент в дверях появился молодой человек. Он прижимал телефон к уху и громко орал:

— Я восьмой! Я! — Свалившись на стул, он продолжил кричать в трубку: — Тётушка, мне плевать! Свадьбы не будет, я разрываю помолвку! И не вздумайте вешать на меня вину. Слушайте внимательно: я сейчас у доктора Му в деревне Бэйдин. Как получу на руки результаты экспертизы, так и швырну вам в лицо. Посмотрим тогда, как вы запоете!

Он сбросил вызов. Му Синхуай спокойно спросил:

— Добрый день. На что жалуетесь?

— У меня всё в порядке, доктор. Я пришел за экспертизой. Помогите мне вывести одну особу на чистую воду.

Он начал лихорадочно листать фотографии в телефоне.

— С невестой мы познакомились через сваху. Семьи равные, интересы вроде общие, вот и сошлись. Почти год встречались. В прошлом месяце обручились, свадьбу наметили на конец

года. Я рассудил здраво: дом для нас только достроили, денег в обрез, свадьба — статья расходов огромная. Попросил их скинуть немного на выкупе — договориться на шестьдесят шесть тысяч. А они уперлись: ни юанем меньше восьмидесяти восьми!

Он перевел дух.

— Я подумал: ладно, люблю ведь её. К тому же у меня до неё две девушки были, а она — «чистая», ни с кем не гуляла. За такую и восемьдесят восемь не жалко, займу у друзей, перебуюсь. Но на днях мы пошли в бассейн, и я увидел у неё на животе длинный шрам.

Он скривился.

— Я сразу понял: кесарево. А она мне в глаза врет! Мол, в детстве озорничала, за ягодами на дерево полезла, сорвалась и пузо об острый камень распорол. За идиота меня держит! Шрам сантиметров двадцать пять, не меньше. Если бы она в детстве такую рану получила, разве выжила бы? И надо же — прямо посередине живота! Не хочу я быть рогоносцем и тратить бешеные деньги на «товар с пробегом», чтобы мой сын потом жил в «доме из вторых рук». Хотел по-хорошему разойтись, так она теперь слухи пустила, будто это я ей изменил и специально на неё наговариваю...

Пациенты в очереди хоть и нашли его слова грубыми, но всё же посмотрели на парня с сочувствием. Тот наконец нашел нужное фото и сунул телефон под нос Му Синхуаю:

— Смотрите, доктор! Скажите, она ведь меня за дурака держит?

Люди любопытно склонились над экраном. Но в следующую секунду лица присутствующих, включая Му Синхуаю, окаменели. Те, кто не успел разглядеть фото, осеклись, глядя на их реакцию.

Снимок, видимо, был сделан исподтишка, пока девушка спала. Как парень и говорил, живот пересекал шрам длиной больше двадцати сантиметров. Он шел через весь живот. Часть над пупком была темной, грубой, толщиной почти с палочку для еды. Часть под пупком — бледной и тонкой, едва заметной, толщиной с бамбуковый шампур.

Прежде чем Му Синхуай успел открыть рот, две тётушки из очереди набросились на парня:

— Да в каком это мире кесарево делают выше пупка?! Ты что, думаешь, врачи ей печень и желудок вскрывали, чтобы ребенка достать?

— Ты в школе-то учился? Матку от желудка отличить не можешь?

Одна из женщин даже задрала край кофты, указывая на тонкий след значительно ниже пупка:

— Вот где кесарево делают, ясно тебе?

Толстый шрам выше пупка явно был старой травмой. А что касается следа ниже...

Молодые парни из числа родственников пациентов прыснули:

— Про белую линию живота слышал когда-нибудь? Это естественное строение тканей, просто у большинства она бледная.

Они тоже начали задирать футболки:

— У меня она тоже видна. Я что, по-твоему, тоже рожал?

Мужики постарше, возмущенные тем, как парень поливал грязью невесту, тоже не остались в стороне. Подняв рубахи, они не стеснялись в выражениях:

— И у меня есть! Если я рожал, значит, ты, мелкий паршивец — мой сынок!

Му Синхуай, поддавшись общему порыву, тоже приподнял футболку. Глянул вниз... у него тоже... а нет, кажется, не было. Он быстро одернул одежду.

Именно в этот момент в кабинет вошел Юй Сюцзюнь.

Перед ним предстала странная картина: стройный ряд мужчин с задранными до груди рубахами. А в самом центре стоял Му Синхуай.

«Линии Аполлона? Золотистый блеск? Шесть кубиков?»

<http://bllate.org/book/15810/1435476>